

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

MAKING
CAPITALISM FIT
FOR SOCIETY

COLIN CROUCH

КАК СДЕЛАТЬ КАПИТАЛИЗМ ПРИЕМЛЕМЫМ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

КОЛИН КРАУЧ

Перевод с английского
ЮРИЯ КАПТУРЕВСКОГО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2016

УДК 321.01

ББК 66.3

К78

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор

АРТЕМ СМИРНОВ

Крауч, К.

К78 Как сделать капитализм приемлемым для общества [Текст] / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 288 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1201-2 (в пер.).

Капитализм — единственная известная нам система, которая способна обеспечить эффективную и инновационную экономику, но финансовый кризис обнажил пагубную сторону капитализма и показал, что выживание последнего по-прежнему зависит от государства. Можно ли реформировать капитализм так, чтобы он стал приемлемым для общества, или мы должны согласиться с точкой зрения, согласно которой обществу лучше предоставить рынкам полную свободу во всех сферах?

Цель этой книги состоит в том, чтобы показать, что принятие капитализма и рынка не означает принятия идеи ничем не ограниченных рынков, отсутствия защищенности на рынке труда и пренебрежения окружающей средой и общественными услугами. В частности, принятие капитализма не означает поддержки растущего влияния корпоративного богатства в общественной жизни. Наибольших успехов в мире добиваются сегодня те экономики, которые сочетают рыночную дисциплину и потребность в защите от ее негативных последствий. Продолжающееся и неразрешимое столкновение между этими двумя силами само по себе является важным источником жизнеспособности и инновационности для экономики и общества. Но поддержание этого напряжения зависит от сохранения сильных профсоюзов и других важных групп гражданского общества.

УДК 321.01

ББК 66.3

Перевод выполнен по изданию: *Crouch C. Making Capitalism Fit for the Society* (Polity Press, 2013).

ISBN 978-0-7456-7223-6 (pbk.)

© 2013 by Passagen Verlag Ges.m.b.H., Wien

ISBN 978-5-7598-1201-2 (рус.)

© Перевод на русский язык,

оформление. Издательский дом

Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	14
I. ОТ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ К НАПОРИСТОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ...	16
ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА.....	26
ОТКРЫВАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ДЕМОКРАТИЮ ЗАНОВО.....	42
ПЛАН КНИГИ	43
ЛИТЕРАТУРА	44
II. СЕГОДНЯ ВСЕ МЫ НЕОЛИБЕРАЛЫ (ОТЧАСТИ).....	47
РЫНОЧНЫЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ.....	51
Несовершенная конкуренция	51
Неадекватная информация	53
Общественные блага.....	57
Экстерналии.....	59
ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА.....	60
ЛИТЕРАТУРА	82
III. МАРКЕТИЗАЦИЯ И НЕСООТВЕТСТВИЯ РЫНКА	83
МАРКЕТИЗАЦИЯ И ДОВЕРИЕ	84
РЫНКИ И НРАВСТВЕННОСТЬ	91
КАРЛ ПОЛАНЬИ И ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ.....	95
РЫНКИ И УСТРАНЕНИЕ СВОЙСТВЕННЫХ ИМ НЕДОСТАТКОВ: КОМПЛЕКСНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ.....	99
ЛИТЕРАТУРА	101
IV. КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ.....	102
ЗАЩИТА ОТ ОПАСНОСТЕЙ РЫНКА ТРУДА... ..	106
ПРОБЛЕМА ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	115
ПЕРЕОЦЕНКА ПРОГРАММЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА	121
ЛИТЕРАТУРА	140

V. ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И НАПОРИСТОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	142
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ — КООРДИНАЦИЯ И ОХВАТ	153
РАСШИРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ	157
ЛИТЕРАТУРА	163
ПРИЛОЖЕНИЕ	165
VI. ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ И ВРАГАМ	174
УГРОЗА СО СТОРОНЫ КОРПОРАТИВНОГО БОГАТСТВА	184
ПРОБЛЕМА ЕС И США	185
ЛИТЕРАТУРА	202
VII. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КАК ВЫСШАЯ ФОРМА ЛИБЕРАЛИЗМА	203
ЗАЩИЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ	215
ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ	224
ОБЩЕЕ БЛАГО	233
ПРИНИМАЯ ВЫЗОВ	240
ЛИТЕРАТУРА	243
VIII. О ПАРТИИ	244
ЧТО ДЕЛАТЬ С СОКРАЩЕНИЕМ ОСНОВНОГО ЭЛЕКТОРАТА?	249
ПРЕОДОЛЕНИЕ СЛАБОСТЕЙ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	253
ВЫХОДЯ ЗА РАМКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	257
IX. НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?	261
РЫНКИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСЛУГИ	264
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ	271
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	276
ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОПТИМИЗМА	278
ЛИТЕРАТУРА	285

Посвящается Джоан

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неравенство в доходах в США достигло той крайней точки, когда возникают опасения, что оно способно повредить развитию экономики. Схожей точки зрения придерживаются не только «прогрессисты», от которых можно было бы ожидать подобных мнений, но и Международный валютный фонд (МВФ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Поразительное развитие событий, не так ли? Нет, не так, и тому есть ряд причин.

Во-первых, МВФ и ОЭСР обычно ассоциируются с экономической ортодоксией, либо безразличной к неравенству, либо даже приветствующей дифференциацию доходов. Безразличие, как правило, выражается посредством использования клише, согласно которому «вздымающаяся волна поднимает все лодки». Отсюда когда богатые все делают правильно, то экономика функционирует должным образом, от чего выигрывают все и каждый, и не имеет значения, если кто-то получает больше, чем другие. За этой благостной картиной обычно скрывается благосклонное отношение к росту неравенства, основанное на убеждении, что условиями экономического роста являются сильные стимулы к инновациям и инвестициям у предпринимателей. Поэтому, если эксперты даже таких организаций, как МВФ и ОЭСР, опасаются, что сжатие низких и средних доходов и продолжающийся рост доходов самых богатых (особенно тех, кто принадлежит к финансовому сектору) привели к ослаблению данного эффекта, можно не сомневаться, что возникла действительно чрезвычайная ситуация.

Во-вторых, несмотря на все страхи, политические и экономические элиты большинства стран развитого мира продолжают придерживаться той же неолиберальной политики, которая привела к созданию этой опасной ситуации. Может, США и являются глобальным лидером в новом неравенстве, но оно и помимо

этого получило самое широкое распространение. Едва ли не повсеместно углубляется неравенство в доходах, государство всеобщего благосостояния уменьшается в размерах, профсоюзы утрачивают былое значение, а права наемных работников все более ограничиваются. В то же самое время все больше общественных ресурсов направляется на спасение банковской системы, деятельность которой и привела к финансовому кризису. Те, кто получают свои доходы посредством финансовых спекуляций, прекрасно защищены и становятся еще богаче, а те, кто зарабатывают, участвуя в более производительной деятельности, живут все труднее.

В-третьих, все эти события порождены отнюдь не могущественными силами, неподконтрольными человеку, но являются результатом политического выбора — и это поразительный факт. По правде говоря, в глобальной экономике имеется ряд факторов, способствующих углублению неравенства. Избежать этого совсем не просто. Тем более примечательно, что множество принимаемых в наши дни политических решений направлены не на противодействие этим тенденциям, но лишь усиливают их. Достаточно назвать произошедшие не так давно изменения в налоговом законодательстве многих стран мира, соответствующие интересам тех, кто получает более высокие доходы, тех, чьи доходы до налогообложения и без того возрастали самыми высокими темпами. Но существуют и альтернативы. И это не некие утопические возможности, а примеры из реальной жизни. Даже они сами по себе являются угрозой все еще продолжающемуся «маршу» антиэгалитарной ортодоксии.

Опасения, высказываемые представителями международных организаций, прекрасно опровергают обычные антиэгалитарные утверждения, согласно которым жалобы на неравенство вызваны в первую очередь завистью. Впрочем, можно привести и другой, в равной степени веский контраргумент. Действитель-

но, неравенство в размерах состояний отнюдь не обязательно наносит вред тем, кто не входит в ряды богатей. Но этого никак нельзя сказать о политических последствиях неравенства. Если группы состоятельных людей, преследующих определенные цели, способны преобразовать свое богатство в политическую власть (как это обычно и происходит), то они имеют возможность оказывать влияние и на рыночную экономику, и на демократию. Анализ этой и связанных с ней проблем и является одной из главных задач моей книги. Распад СССР сделал очевидным для всех, что капитализм является единственной из известных нам сложных систем, в рамках которой способна функционировать эффективная и инновационная экономика. Однако финансовый кризис 2008 г. раскрыл потенциально разрушительные последствия функционирования некоторых аспектов капитализма, его зависимость от способности государства спасти общественный строй от его собственных противоречий за счет широких слоев населения, а также привлек внимание к непрерывно углубляющемуся неравенству, которое, как представляется, соответствует интересам элит. Все это вызывает обоснованные сомнения в возможности функционирования социальных и политических механизмов, одновременно обеспечивающих достойную жизнь всем гражданам и удовлетворяющих требования капиталистов. К счастью, на протяжении всей своей истории капитализм демонстрировал гибкость и способность приспосабливаться к различным условиям, что позволяло ему функционировать в обществах нескольких различных типов. Это одна из характеристик, позволяющая говорить о превосходстве капитализма над советским коммунизмом. Но данное его преимущество может быть использовано далеко не всегда. Все зависит от соотношения сил между группами, выражающими различные социальные и политические интересы, от большего веса некоторых из них, что позволяет капиталистам (как это, по всей

видимости, происходит в наши дни) диктовать условия остальному обществу. Однако ситуация может сложиться так, что другие группы интересов получают возможность добиваться компромисса с капиталистами, как это было в странах Запада в середине XX столетия, в период расцвета государства всеобщего благосостояния.

В основном эти компромиссы были связаны с политической силой, известной как социал-демократия, ассоциирующейся с рабочими движениями и партиями, профсоюзами и различными группами, борющимися за права трудящихся, а если говорить более широко, то с воздействием, которое это движение (а также коммунистический строй в некоторых странах) оказывало на другие, соперничающие политические силы. Однако в наши дни сложилась довольно странная ситуация. Казалось бы, нарастающее разочарование различными аспектами капитализма позволяет социал-демократическим партиям настаивать на превосходстве исповедуемого ими подхода. Но нет, они занимают оборонительные позиции, полны пессимизма, словно сами уже стали достоянием истории. Отчасти это свидетельствует о доминирующих позициях ортодоксального неолиберализма. Отчасти же сложившееся положение обусловлено необходимостью существенных изменений в социал-демократической программе, если это движение не отказывается от своих слов о том, что оно является альтернативой, способной бросить вызов ортодоксии и изменить капитализм в соответствии с потребностями общества, убедительно представляя себя как актора или партию, использующую в своих интересах экономические изменения и инновации и не ограничивающуюся защитой от перемен. Новые шаги должны быть достаточно радикальными, но не выходящими за пределы социал-демократической традиции.

В своих предыдущих книгах «Постдемократия» и «Странная не-смерть неолиберализма» я попытался

описать проблемы, с которыми сталкивается эгалитарная демократия в связи с последними событиями в глобальной экономике, и наметить пути, встав на которые обычные люди могли бы попытаться противостоять им и с ними совладать. Многие читатели и рецензенты раскритиковали мои предложения, немного выходявшие за рамки простого участия в гражданских инициативах, потребительских движениях и честных профессиональных организациях, пытающихся противостоять экономической власти. В чем заключается моя альтернативная стратегия? Я считаю свой подход разумным, так как количество читателей, способных принять участие в решении не самых важных проблем, значительно больше, чем те один или два, которые могут извлечь из моей работы нечто вроде политической стратегии. Основное содержание большинства книг на политические темы рассчитано на руководство партий и движений, которое никогда даже не раскроет данные произведения, не говоря уже о том, чтобы прочесть их. Их авторы игнорируют необходимость разговора со своими настоящими читателями, способными совершить в общественной жизни немного больше, чем они реально делают. Но я, вслед за Антонио Грамши, полагаю, что мы должны всегда демонстрировать пессимизм разума и оптимизм воли. Ведь наивные оптимисты, терпящие одно поражение за другим, в конечном счете разочаруются в своих действиях. Те же, кто руководствуется только пессимистическими ожиданиями, в основе которых нередко лежат результаты научного изучения реальной действительности, заранее обречены на поражение, так как они даже не станут пытаться что-то изменить.

Для того чтобы облегчить чтение большинству читателей, я не стал перегружать текст библиографическими ссылками. Перечень использовавшихся мною работ других авторов представлен в конце каждой главы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Некоторые идеи, представленные в книге, впервые были высказаны на публичных лекциях, с которыми я выступал в 2011–2012 гг. Я благодарен всем слушателям, обращавшимся с вопросами и предлагавшим свои комментарии, которые помогли мне отточить эти идеи. Очевидно, что не все слушатели полностью или хотя бы частично согласны с моими воззрениями, высказывавшимися в следующих лекциях:

- Моя прощальная лекция в Уорикском университете (2 ноября 2011 г.) называлась «Что остается в публичном пространстве приватизированного общества?». Я хотел бы поблагодарить за высказанные идеи коллег, принявших участие в последующей конференции «За пределами публичного пространства». Это Джон Беннингтон и Дороти Боуле, Вин Грант и Жан Хартли, Гульельмо Меарди и Пол Маргинсон, Гленн Морган и Андреас Раше, Ральф Роговски и Филипп Шмиттер, Вольфганг Штрек, Джонатан Триттер, Йелле Виссер и Ноэль Уайтсайд.

- Лекция из цикла, посвященного памяти Ральфа Миллибэнда, в Лондонской школе экономики и политических наук (1 марта 2012 г.) «Социал-демократия как высшая форма либерализма».

- Лекция из цикла, посвященного памяти Чезаре Альфьери, на факультете политологии Флорентийского университета (26 апреля 2012 г.) «Европа и проблема маркетизации: от Поланьи до Шарпфа».

- Ежегодная лекция в рамках проекта «Европа в фокусе внимания» Европейского института Лондонской школы экономики и политических наук (28 мая 2012 г.) «Европейская асимметрия: создание рынков и решение проблем экстерналий».

- Отдельная публикация «Социальная демократия как высшая форма либерализма», представленная на конференции «Следующее левоцентристское столетие: потерянное или новое? Американский прогрессив-

ный либерализм и европейская социал-демократия», организованной исследовательским центром Policy Network и Фондом финансирования прогрессивных европейских исследований в колледже Наффилд (прошла 3 июля 2012 г. в Оксфордском университете).

Огромную пользу с точки зрения работы над книгой мне принесло участие вместе с превосходными коллегами в проекте «Государственное управление неопределенностью и устойчивостью: противоречия и возможности» Рамочной программы 7 ЕС (контракт № 22530). Безусловно, любая информация, полученная мною в процессе работы над проектом, или сформировавшиеся у меня точки зрения принадлежат исключительно мне и не отражают воззрений моих коллег. Они тем более ни в коей мере не представляют официального мнения Европейской комиссии.

Окончательный текст книги значительно выиграл благодаря критическим отзывам о его первоначальном варианте Филиппа Шмиттера, Джона Томпсона и анонимных рецензентов издательств Polity и Passagen Verlag — хотя, конечно, они не обязательно должны считать, что я внес в текст все необходимые изменения.

Я искренне признателен моей жене Джоан за ее участие в развитии изложенных в книге идей, за наш бесконечный сорокапятилетний диалог и за то, что она нашла в первоначальном тексте множество мест, в которых автор неясно выражал мысли. Достаточно ли сделала Джоан, пусть судит каждый читатель.

I. От оборонительной политики к напористой социал-демократии

Европейская социал-демократия должна встряхнуться и отказаться от оборонительной позиции, которую она занимает все последние годы. Социал-демократы просто обязаны сделать это. Вновь на первый план выходит проблема неравенства. Власть, которой обладают крупные корпорации, создает все больше проблем для потребителей, трудящихся и граждан. Следствием пренебрежения коллективными нуждами становятся пугающие проблемы загрязнения окружающей среды. Во всех этих областях социал-демократия занимает сильные позиции, а неолиберальный капитализм наиболее уязвим. Но вот парадокс: несмотря на все сказанное выше, в большинстве стран мира социал-демократия находится в депрессивном состоянии, а неолибералы чувствуют себя триумфаторами. Если мы поймем причины столь странной ситуации, то сможем предложить изменения, которые следовало бы внести в политику социал-демократов, и помочь им перейти от обороны к активным действиям, чтобы вместе с экологическими и другими прогрессивными общественными группами создать новый политический союз, более целостный, чем простые «красно-зеленые» предвыборные объединения.

Строго говоря, действием противоположным обороне является наступление; но мы не хотим, чтобы выражение «наступательная социал-демократия» было неправильно истолковано. Обычно наступление ассоциируется с агрессией. В то же время, как нам стало известно от феминисток, там, где мужчины ведут себя агрессивно, женщины проявляют напористость. Древнегреческое слово *demokratia* — это существи-

тельное женского рода. Поэтому и сама демократия, и несколько ее «сестер»-прилагательных («социальная», «христианская», «либеральная») будут наступающей стороной, только если смогут вести себя напористо, настойчиво и никак иначе. Итак, мы будем говорить о напористой социал-демократии. Если политическое движение переходит от использования защитного механизма к настойчивому движению вперед, оно обязано найти новые, устремленные в будущее интерпретации своего исторического видения и продемонстрировать, что оно является единственной силой, способной изменить общество в целом в интересах всех и каждого из его членов.

Я использую понятие «социал-демократия» в обычном, общепринятом в наши дни смысле, для описания политических движений (видное место среди них занимают профсоюзы) и партий, рассматривающих в качестве своей исторической миссии представительство интересов простых трудящихся посредством поиска возможных значительных изменений в функционировании капиталистической экономики, а также в сопровождающих ее (в соответствии с восприятием движений и партий) неравенстве и социальном ущербе. Партии могут носить различные названия — социал-демократическая, рабочая или социалистическая, но понятие «социал-демократическая» следует использовать как отличное от «социалистическая». Под социалистическими обычно понимают движения, участники которых стремятся к полной замене капиталистической экономики и рынков системой общей собственности, имея в виду механизм либо государственной, либо кооперативной собственности. Социал-демократы, напротив, воспринимают рынок и частную собственность как наилучшие средства ведения большинства видов хозяйственной деятельности. Но они довольно скептически оценивают возможность использования рынка для достижения определенных общественных целей, имеющих фундаментальное зна-

чение. К ним относятся, во-первых, необходимость обеспечения достойной жизни всем людям, даже тем, кто не способен быть очень успешным на рынке, а также ограничения уровня неравенства; во-вторых, необходимость предоставления людям возможности успешно управлять действиями, направленными на решение определенных общих, коллективных задач. Социал-демократами являются политически активные люди, которые для достижения этих целей стремятся ввести ограничения и сформировать рынок в основном, хотя и не исключительно, посредством использования государственной или местной власти, в особенности там, где речь идет о предоставлении общественных (государственных) услуг по праву гражданства.

Повторим вводный параграф более развернуто. Отличительной чертой современного западного общества является наличие у него колоссальных коллективных потребностей и взаимозависимостей. Изменения климата и другие экологические проблемы, многие из которых вызваны нашим образом жизни, угрожают самому этому образу жизни до тех пор, пока мы не объединимся и не найдем способы избавления от них. Экономике и общества, сложившиеся в разных странах мира, становятся все более зависимыми друг от друга, поскольку происходит глобализация обмена товарами, услугами, а также финансовых потоков. Эти взаимозависимости проявляются как конкуренция соперников разной национальной принадлежности. Но в международной торговле продолжительный успех любой группы людей в большинстве случаев означает и успех всех остальных. Сложно устроенная экономика требует передовой инфраструктуры — транспортных и коммуникационных сетей, ресурсов квалифицированного труда и общих регулятивных стандартов, — для создания которой необходимо прикладывать коллективные усилия. Западные общества, в общем, являются богатыми и не только могут позво-

I. От оборонительной к напористой политике

лить себе решать задачи посредством коллективных усилий, но предлагают подавляющему большинству людей хорошо обеспеченную частную жизнь. В то же время в них все более углубляется неравенство, снижается склонность к производству общественных благ или покрытию коллективных рисков, а непрерывно возрастающие богатства достаются все более ограниченному меньшинству.

Казалось бы, мир достиг такого состояния, что он с готовностью должен откликнуться на предложения социал-демократии. Но нет. Как ни парадоксально, господствующая в наши дни идеология — неолиберализм — ведет публичную политику в прямо противоположном направлении: все большее внимание уделяется чисто индивидуальным потребностям, прежде всего тех, кто принадлежит к привилегированной элите, а коллективные нужды и тревоги подавляющего большинства людей оставляются без внимания. Как ни парадоксально (но никак не удивительно), непрерывно усиливающаяся взаимозависимость сопровождается растущей ксенофобией и подозрительностью по отношению к чужеземцам. В теории ксенофобия и неолиберализм несовместимы в принципе, но в современной политике они прекрасно уживаются друг с другом во многих влиятельных правоцентристских партиях или коалициях.

Разгадка этих парадоксов в том, что логика политики заключается в логике власти, а не в отсутствии противоречий между доводами. Современная логика власти включает несколько составляющих. Я подробно описал их в своих книгах «Постдемократия» и «Странная не-смерть неолиберализма». Здесь я просто суммирую приводившиеся в них аргументы. Одним из первых следствий глобализации стало расширение возможностей выбора для инвесторов капитала относительно того, где именно, в какой стране они будут осуществлять свои вложения. Трудящиеся промышленно развитых государств обнаружили, что им приходится

конкурировать за рабочие места с жителями гораздо более бедных стран, где расходы на оплату труда и социальные издержки, уровень налогообложения хозяйственной деятельности, стоимость предоставления общественных услуг значительно ниже, но имеется возможность вести производство и получать прибыль, осуществляя координацию из развитого мира.

Точно так же правительства промышленно развитых государств осознали вдруг, что их страны, рассматриваемые как места осуществления инвестиций, соперничают со странами, чьи правительства предлагают инвесторам более низкие налоговые ставки, значительную свободу ведения хозяйственной деятельности и возможность не слишком волноваться об условиях труда работников. Первоначально казалось, что развитые страны столкнулись с непреодолимой проблемой. Но нет. Для некоторых видов деятельности фирмам необходимы высококачественная инфраструктура и квалифицированная рабочая сила, которые способны предоставить только государства с сильной коллективной политикой и высоким уровнем налогообложения, что, как мы увидим несколько позже, является важным компонентом уверенной в себе, напористой социал-демократии. Через некоторое время глобализация стала означать, что по крайней мере некоторые жители беднейших стран начинают зарабатывать достаточно для того, чтобы приобретать товары и услуги, поставляемые из наиболее богатых частей света. Этот процесс начался уже довольно давно. Так, например, китайские потребители покупают немецкое производственное оборудование, английские автомобили и итальянскую обувь. Первоначальное шоковое воздействие глобализации привело к изменению расстановки сил в переговорах между международными инвесторами, с одной стороны, и национально укорененными правительствами и рабочим классом развитого мира — с другой. Оно и объясняет алогичный на первый взгляд союз неолиберализма и ксенофо-

бии: первый стремится к безграничным глобальным рынкам; если народные массы проникнуты подозрительностью и нетерпимостью, они едва ли примут транснациональные режимы, которые являются единственными институтами, способными регулировать эти рынки.

Однако параллельно с глобализацией происходило дерегулирование финансовых рынков. Как нам теперь известно, инвестиционные банкиры разработали целый ряд рискованных инвестиционных стратегий, позволивших очень узкому кругу людей приобрести невиданные богатства ценой дестабилизации глобальной экономики в целом. Следствием этого стал англо-американский финансовый кризис 2008 г. Но система нерегулируемых высокорисковых финансов сохранилась. Наша зависимость от банковской системы привела к тому, что правительства самых разных стран помогли банкам выбраться из ловушки, в которую они угодили по собственной инициативе. Во многих случаях, чтобы получить необходимые средства, государства должны были пойти на сокращение социальных расходов. Для того чтобы спасти супербогачей, пришлось взывать к бедноте. Более того, государства поощряли банки к возвращению к безответственной деятельности, но с условием, что они несколько умерят свой пыл, рассчитывая на восстановление платежеспособности. В прошлом, в пору успехов, нерегулируемая финансовая модель использовалась для демонстрации способности банков и рынков совместно решать множество мировых экономических проблем; отсюда в социал-демократическом подходе, основывающемся на регулируемых рынках и сильной социальной политике, не было *необходимости*. Если же модель потерпела неудачу, следует как можно быстрее «поставить ее на ноги», чтобы *не оставить* социал-демократическому подходу *ни единого шанса*. Орел — выигрывает неолитерализм, решка — проигрывает социал-демократия.

Кроме того, необходимо упомянуть о важнейшем изменении в современном капитализме, предшествовавшем первым двум и произошедшем в базе поддержки социал-демократии. Изначально это политическое движение опиралось на занятых физическим трудом рабочих предприятий обрабатывающей промышленности (прежде всего на мужчин), на рабочий класс. Признание его прав и обязанностей стало первым случаем в истории организованных обществ, когда множеству обычных трудящихся было позволено сыграть эту роль. Представители рабочего класса пополняли ряды сторонников политических течений, признававших ограниченность свободного рынка и требовавших предоставить трудящимся шанс на безопасную достойную жизнь. Этот класс создавал профсоюзы, кооперативные движения, а также социалистические, социал-демократические и рабочие партии. Однако начиная с 1970-х годов в странах Северной Европы, а затем и в других государствах мира развивается процесс сокращения и абсолютных, и относительных размеров рабочего класса. Непрерывное повышение производительности труда в обрабатывающей промышленности привело к снижению потребности в большом количестве промышленных рабочих; на начальных этапах глобализации происходило перемещение значительной части промышленных производств в новые развивающиеся экономики; а увеличивавшийся спрос на услуги различных типов привел к появлению нового типа рабочей силы. Важнейшей составляющей этой рабочей силы было участие в предоставлении общественных услуг: в сфере здравоохранения, образования, охраны общественного порядка и безопасности, в государственном управлении. Это обеспечило социал-демократам новую базу поддержки, поскольку они выступали за рост сферы государственных услуг. Социал-демократическим партиям удалось заручиться и поддержкой женщин, занимавших значительную часть рабочих мест, связанных с

предоставлением общественных услуг. Сфера частных услуг оказалась более устойчивой к влиянию социал-демократов, но не потому, что ее работников привлекали другие партии и политические силы. Нет, она оказалась довольно аморфной, не способной «произвести на свет» некое определенное политическое направление. Казалось бы, с этой проблемой сталкиваются все партии. Но именно социал-демократия, как сила бросающая вызов основному распределению власти в экономике, нуждается в положительной, четко определенной базе поддержки. Таким образом, общее ослабление политической идентичности оказало на социал-демократию более сильное влияние, чем на партии, представляющие группы интересов, сильными сторонами которых являются рынок и экономика сами по себе.

К началу XXI в. обе группы базовой поддержки социальной демократии были вынуждены занять оборонительную позицию. Численность рабочего класса, занятого физическим трудом, неуклонно уменьшалась, а государственные служащие (в широком смысле, включая сотрудников не только государственных органов, но и государственных организаций, учреждений, предприятий) подвергались непрерывным нападкам со стороны неолиберальных политиков и публицистов. Их выставляли паразитами, живущими за счет налогов, собираемых с трудящихся в частном секторе. Однако если попытаться представить себе деньги, расходуемые на общественные услуги, как купюры, которые с таким же успехом могли бы быть зарыты в яме (образ, часто используемый неолибералами в своей риторике), то что мы должны сказать о людях, извлекающих доход из того, что они помещают его в яму?

Основная проблема тех, кто отстаивает в демократическом обществе консервативные политические интересы, заключается в необходимости привлечь к силам, предназначенным для защиты интересов привилегированного слоя, необходимую им поддержку

большинства населения, принадлежащего к средним слоям. На протяжении большей части XIX–XX вв. задача решалась (наряду с выдвиганием националистических лозунгов) посредством указания на то, что все более многочисленные массы неимущих (трудящихся и бедноты) подходили все ближе к тому, чтобы из зависти к чужому добру устроить передел собственности нижних средних классов, как наиболее беззащитной, по сравнению с действительно богатыми людьми, группы. Однако в конце XX столетия массы неимущих «скукожились» до крошечной группы, коммунизм потерпел крах, и бывшие страхи довольно быстро рассеялись. Консервативная демонология должна была изобрести новые угрозы. Она начала преподносить государство всеобщего благосостояния в качестве механизма отъема денег у бедных и богатых работающих людей и передачи их тем, кто отказывается трудиться, прежде всего иностранцам. Последние прибывают в страну только для того, чтобы лишить рабочих мест ее коренных жителей (цель, которой иммигранты вроде бы достигли; в то же время они не желают трудиться). Еще одну угрозу представляют собой государственные служащие. Их труд неэффективен, но оплачивается слишком хорошо и является слишком хорошо защищенным. При этом государственные служащие не жалеют сил на обеспечение передачи изъятых у трудящихся денег тем, кто их никак не достоин. Если раньше социалистов и социал-демократов изображали политиками, стремившимися лишить честных людей частной собственности, то в наши дни — теми, кто ругает за передачу государственных денежных средств лентяям и «понаехавшим» (причины такого их поведения никогда не назывались и едва ли будут объяснены).

На самом деле многие современные социал-демократические партии шли совсем по другому пути. Возникновение проблем с двумя ключевыми составляющими базы партийной поддержки — с работниками,

занятыми физическим трудом, и государственными служащими, а также с профсоюзами, действовавшими в этих секторах, — заставило задуматься не только о поисках «третьей опоры», но и о надежности первых двух. Это привело к возникновению «третьего пути» в Лейбористской партии Великобритании, Neue Mitte («нового центра») в Социал-демократической партии Германии, американских «новых демократов» и аналогичных течений в некоторых других партиях. Результатом исканий социал-демократии стало новое движение, которое стремится заручиться поддержкой избирателей из всех слоев общества и воспользоваться финансовой поддержкой корпоративных доноров в рамках общего, бесклассового проекта осуществления «прогрессивной реформы». Представители этого движения отказались от любых попыток изменения политической культуры общества; они просто стараются соответствовать тому, что, согласно данным исследований рынка, было классифицировано как существующие в культуре предвзятые мнения или ангажированность. Начиная с XIX в. в своем противостоянии глубоко укорененным, но во многих случаях некомпетентным институтам, служившим интересам тех, кто веками пользовался различными привилегиями, под лозунгом «прогрессивной реформы» объединялись либералы, а позднее и социалисты. В наши дни этот призыв приобрел интересное двойственное содержание. Имеется в виду задача перестройки сектора общественных услуг и повышения их качества (консерваторы, исходя из своей программы низких налогов, длительное время пренебрегали этой необходимостью). В то же время в равной степени сложной представляется и задача изменения в лучшую сторону стиля работы служащих, занятых организацией и предоставлением этих услуг, в особенности представляющих их интересы профессиональных союзов. Поэтому социал-демократические партии, выбравшие для себя «третий путь», перестали даже упоминать о

проблемах, связанных не только с концентрацией корпоративного богатства, но и с неравенством доходов в обществе.

Сначала эти социал-демократы немного стеснялись прежних сторонников, а затем полностью разорвали все связи с ними, все более цинично отзываясь о своем прошлом. Впрочем, время от времени мы слышим, как политики из лагеря социал-демократии заводят разговоры о необходимости «восстановить контакт» со своей «основной группой поддержки». Но это лишь в редких случаях предполагает возвращение к борьбе с социальным неравенством. В большинстве случаев подобные призывы выражают воспринимаемую потребность в ксенофобии, жалобу на то, что другая группа сторонников — профессионалов в сфере предоставления общественных услуг — мешает воссоединению. Социал-демократы ощущают себя хранителями политического музея, в витринах которого выставлены такие экспонаты, как «профсоюзы», «права трудящихся», «всеобщее медицинское обслуживание» и «социальное гражданство». Стены музея защищают «обломки прошлого» от энергетических потоков динамичного неолиберального мира.

ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Социал-демократы давно пребывают в подавленном состоянии. Но это не означает, что неолиберализм добился громадного успеха — по крайней мере если мы говорим не об идеологии, а о реальной практике. Оставим в стороне проверку кризисом 2008 г. Все больше крепнет убеждение, что основная идея неолибералов, используемая ими для привлечения своих сторонников, является мошенничеством. Имеется в виду положение о замене государственного регулирования свободным рыночным выбором потребителей. В наши дни эта характеристика капитализма обуславливает законные сомнения в возможности «подтянуть» его

до уровня общества. Или капитализм будет «перекраивать» общество в соответствии со своими собственными требованиями? Реальная политика неолиберализма, в противоположность моделям из учебников по экономической теории, заключается в усилении мощи крупнейших корпораций и богатейших людей. Как показывает Стивен Уилкс в своей книге «Политическая власть торгово-промышленных корпораций», данная проблема имеет место сразу в нескольких секторах экономики. Особенно ясно эта картина представит в свете недавнего финансового кризиса.

К тому же все выглядит так, что интересам корпораций отвечали и волны приватизации государственных предприятий и секторов услуг, что стало основной отличительной чертой современного кризиса. Если на первых порах приватизация распространялась только на определенные государственные компании и предприятия, то сегодня речь идет главным образом о передаче общественных услуг на аутсорсинг частным фирмам. В большинстве этих случаев государство остается не более чем «кассиром»; при этом заказы на предоставление услуг достаются небольшому количеству компаний. Таким образом, получатели услуг являются не потребителями в полном смысле этого слова, а всего лишь пользователями. Никакого истинного рынка так и не было создано. Его заменяют серии сделок между должностными лицами государственных учреждений и представителями корпораций.

Аутсорсинг оправдывают тем, что он якобы приносит конкуренцию как фундаментальное условие функционирования рынка. Но в большинстве случаев она является существенно ограниченной. Например, в случае поставок воды конкуренция практически отсутствует, поскольку довольно трудно добиться того, чтобы в некоем отдельном речном бассейне эту функцию выполняла более чем одна компания. В других случаях в высшей степени ограниченной конкуренции участвует очень небольшое количество фирм. Сопер-

ничество присутствует главным образом на стадии борьбы за контракты; при этом очень часто договор сам по себе предполагает получение фирмой монопольных прав на осуществление поставок в течение нескольких лет. Так происходит, например, в случаях предоставления услуг школой, услуг по охране здоровья и оказанию социальной помощи. Заключение контрактов на длительный период (во многих случаях на сроки до 35 лет) позволяет обеспечить устойчивость и избежать перерывов в предоставлении услуг. На таком длительном интервале времени конкуренция отсутствует в принципе. Когда же приходит срок пересмотра договоров, существует сильная (пусть и не универсальная) презумпция предпочтительности возобновления контракта с давно присутствующей на рынке фирмой. Очевидно, что ее менеджеры поддерживают тесные отношения с государственными чиновниками, участвующими в переговорах. Чтобы избежать никому не нужных потрясений, достаточно продлить договор с уже существующим поставщиком.

Практику аутсорсинга оправдывают и тем, что частные фирмы приносят с собой новые экспертные знания. Но изучение базы экспертных знаний основных частных поставщиков услуг показывает, что одни и те же фирмы присутствуют в различных секторах. Например, базирующаяся в Англии, но действующая глобально фирма SERCO имеет договоры на предоставление услуг во всех секторах сферы транспорта (включая контроль над воздушным движением), на оказание тюремных услуг и обеспечение безопасности, на управление приватизированными государственными научно-исследовательскими и досуговыми центрами, организацией обороны и школами. Схожим образом оценивается и деятельность нескольких других фирм из разных стран. Экспертные знания этих корпораций, их стержневые виды хозяйственной деятельности сосредоточены в знании о том, как вы-

игрываются государственные конкурсы. Никакими существенными знаниями в сферах предоставляемых услуг эти компании не обладают. Для того чтобы обеспечить выполнение своих обязательств, они перенаймают людей, уже занятых в интересующих их секторах — как правило, работавших в организациях государственного сектора, участвовавших в конкурсах на поставку услуг, но проигравших. Это и объясняет способность частных фирм «объять необъятное» количество видов деятельности, единственная связь между которыми — существование процесса участия и победы на государственных конкурсах. Обычно в советах директоров таких фирм присутствуют бывшие политики и высокопоставленные чиновники, а сами компании не скупятся на щедрые денежные взносы в адрес политических партий. Все это входит в круг стержневых направлений их деятельности. Довольно трудно понять, какие именно выгоды приносит эта политически управляемая конкуренция конечному потребителю услуг.

В соответствии с еще одним доводом в пользу аутсорсинга переход на контрактную систему ведет к снижению издержек. Данное положение вызывает немалые сомнения, учитывая ограниченный характер конкуренции, тесные взаимовыгодные отношения между подрядчиками и государственными чиновниками, необходимость получения частными фирмами прибыли, достаточной для того, чтобы удовлетворить своих акционеров, а также величину трансакционных издержек, возникающих в тех случаях, когда предоставление услуг передается от внутреннего поставщика независимому подрядчику. Можно назвать, пожалуй, лишь одну область, в которой возможна существенная экономия издержек, — частные фирмы способны значительно снизить расходы, связанные с оплатой труда основного персонала и обеспечением хороших условий его труда. В отличие от них государственные учреждения и организации обязаны были

создавать себе репутацию «хороших работодателей». Иначе они подверглись бы острой общественной критике. В случае же возникновения скандалов, связанных с обращением с персоналом фирм-подрядчиков, политический словесный «огонь» направляется на государственные власти, заключившие контракты, а не на сами компании. В Великобритании некоторые подрядчики устанавливают настолько низкую заработную плату, что их наемные работники получают субсидии к своему денежному вознаграждению в рамках схемы государственного налогового кредита. Низкий уровень заработной платы дает подрядчикам возможность утверждать, что заключаемые ими договоры позволяют экономить государственные деньги. В то же время другая часть государственных фондов вынуждена нести бремя налоговых кредитов. Такая практика едва ли позволяет экономить хоть какие-то государственные деньги.

Наконец, аутсорсинг и другие формы участия частных фирм в государственной хозяйственной деятельности оправдываются на том основании, что они позволяют правительствам разделить финансовые риски крупных проектов с частными инвесторами. Указывается, что инвесторы получают прибыль в тех случаях, если проекты будут приносить планировавшиеся доходы, и понесут потери, если они окажутся убыточными, в полном соответствии с законами капиталистического рынка. В данном случае в качестве основного примера рассматриваются государственно-частные партнерства, создаваемые для финансирования крупных инфраструктурных проектов, а также осуществления программ по строительству школ и больниц. Типичным является случай, когда частная инвестиционная фирма берет на себя капитальные расходы в рамках государственной программы в обмен на получение собственности на создаваемые государственные активы (например, больницу). Затем она передает активы соответствующей государственной

службе, в течение длительного времени компенсирующей капитальные инвестиции. При этом, в соответствии с условиями контракта, государственная служба должна придерживаться заранее определенной модели использования активов, в то время как потребности в услугах могут изменяться. Это тем более важно, что после финансового кризиса 2008 г. стал известен целый ряд примеров, когда сопряженный с риском элемент капитального финансирования становится реальным. Все без исключения центральные правительства перешли к страхованию рисков и гарантиям возврата средств частных инвесторов. Тем самым мы возвращаемся к ситуации, когда государство играло «первую скрипку» в осуществлении общественно значимых инвестиционных проектов. То есть складывается ситуация, когда совместные с частным сектором инвестиции позволяют предположить, что в случае необходимости государство обязательно придет на помощь своим партнерам. В данном случае перед нами пример более общей проблемы. В экономической теории капитал принимает на себя риск экономического предприятия и получаемый им процент отражает этот риск. В то же время изменение соотношения сил между инвесторами, с одной стороны, и наемными работниками, государством и обществом в целом — с другой, привело к тому, что капитал во многих случаях требует защищенную норму прибыли, перекаладывая риск на других участников.

Действительно строгие теории неолиберализма отводят государству в значительной степени ограниченную роль, что наиболее четко и ясно прослеживается в требованиях, обычно выдвигаемых Республиканской партией США. Но все они являются нереалистичными и имеют самое незначительное отношение к действительности самого неолиберализма. Примитивная антигосударственная политика неолибералов привела к отсутствию у них последовательной теории отношений между государством и экономикой. Поэтому им

приходится демонстрировать удивительную «ловкость рук». Неолибералы не проводят различия между рынками и корпорациями, и это позволяет им выступать с заявлениями о том, что передача какого-либо актива в руки корпораций равнозначна выведению его на рынок. Корпорации, в свою очередь, устанавливают тесные взаимоотношения с государственными чиновниками. Эта фантазия не подвергается сомнению, несмотря на полное отсутствие у корпораций всех восхваляемых характеристик рынка, таких как выбор конечных потребителей, невмешательство в политику со стороны групп, преследующих интересы бизнеса, и принятие капиталом всех рисков. В лучшем случае мы имеем дело с обманом, в худшем — с прямой коррупцией. В этой особой форме неолиберализм превращается в высшей степени сомнительную политическую силу. И все же он является преобладающей политической идеологией, которая, как утверждается, вытеснила социальную демократию с исторической сцены.

К сожалению, одна из причин того, почему социал-демократы не смогли использовать к своей политической выгоде лицемерные отношения между неолиберализмом и крупными корпорациями, заключается в том, что правительства, в которых «эсдеки» играли ведущую роль, не только участвовали в создании, но и способствовали развитию модели, основанной на тесных отношениях между государством и фирмами. Отчасти это было вызвано наихудшей из причин: социал-демократические политики были среди тех, кто клюнул на корпоративную «удочку» и занял места в советах директоров компаний, стремившихся к заключению хозяйственных договоров с государством. Впрочем, были и другие, достойные мотивы. Если бы в 2008 г. государства допустили банкротства большого количества крупных банков, то более всех пострадали бы обычные люди, располагавшие незначительными финансовыми ресурсами и неспособные защититься от катастрофы. Простейший подход заключался в том,

чтобы компенсировать банкам их собственные безответственные риски в надежде, что они по возможности быстрее снова станут прибыльными. К тому же этот подход позволял надеяться на сотрудничество с банками. Последние же не смогли найти другого способа решения задачи, кроме возвращения к рискованным практикам, которые и были первоначальным источником всех проблем.

Схожие доводы применяются в отношении приватизации и аутсорсинга общественных услуг. Образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальное страхование, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство — ко всем этим услугам современное общество предъявляет очень высокий и предсказуемый спрос. В то же время, когда мы говорим о развитых странах мира, следует учитывать, что все названные выше области остаются способными приносить довольно высокую прибыль, поскольку обрабатывающая промышленность и некоторые виды деятельности по предоставлению услуг в условиях глобализации подвергаются сильному конкурентному давлению. Поэтому корпорации готовы дорого заплатить за свою долю участия в предоставлении этих услуг. Однако такая возможность возникает только в случае приватизации рассматриваемых нами областей, так как они традиционно относятся к государственному сектору. Одновременно социал-демократические и, конечно же, другие партии сталкиваются с общими нелиберальными требованиями об отказе от предоставления общественных услуг ради сокращения налогов и в пользу частных расходов на их приобретение. Социал-демократы (и другие) быстро осознали возможность компромисса: если частным фирмам позволить извлекать из предоставления общественных услуг не слишком высокие прибыли, можно будет отбить атаки на государственные расходы. В итоге возникла система, когда правительства продолжают оплачивать предоставление услуг, выступая как потре-

бители, но корпорации оказывают их на монопольной основе, ограничивая права граждан до простых «пользователей». Похоже, что эта система становится основным общественным договором начала XXI в., по крайней мере в странах, в которых в значительной степени сохраняется практика предоставления общественных услуг. Как утверждает Джонатан Триттер, существенно важно, что эта форма аутсорсинга получила самую широкую известность в североевропейских странах как мировых лидерах по предоставлению общественных услуг. Возникшая в результате модель — мощные корпорации, относительно слабые правительства и пассивные граждане — соответствует нарождающейся матрице властных отношений в неолиберальных обществах. В ней сохраняются основные черты государства всеобщего благосостояния; одновременно она предусматривает получение монопольных прибылей фирмами, выделяющими ресурсы на установление и поддержание отношений с государственными чиновниками. Тем самым матрица потворствует опасному переплетению политической и экономической власти, что, в свою очередь, способствует углубляющемуся неравенству с точки зрения распределения власти и благосостояния — еще одной важной отличительной черте современных обществ, вызывающей немалые тревоги. Это фаустовский общественный договор, в соответствии с которым государства всеобщего благосостояния продали свои души.

Предлагать альтернативы изложенной выше точке зрения несложно. Куда сложнее получить властные ресурсы, необходимые для осуществления иных вариантов развития. На самом деле путь неолиберализма на «идеологические вершины» вовсе не был таким непрерывным триумфальным шествием, как его иногда изображают. В начале нынешнего века некоторые из важнейших институтов, занимавших неолиберальные позиции по ряду основных вопросов, начали пересма-

тривать свои воззрения. В 2002 г. лауреат Нобелевской премии, бывший главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц выступил с критикой применения этой организацией принципов свободного рынка в отношении развивающихся стран. Через десять лет, в 2012 г., он начал новую «атаку», указывая на ущерб, который нанесло развитию мировой экономики непрерывно углубляющееся неравенство. Несмотря на то что из-за расхождений во взглядах Стиглиц был вынужден оставить свой пост во Всемирном банке, сама организация постепенно отходит от занимаемых ею в прошлом позиций. Она все чаще высказывает обеспокоенность тем, что доктрина свободного рынка пренебрегает общественной инфраструктурой и социальными потребностями, а также углубляющимся неравенством, которое, как представляется, вызвано ее применением.

МВФ и Всемирный банк понемногу пересматривают методику составления рейтинга стран, представленных в совместном ежегодном отчете «Ведение бизнеса». В соответствии с ней каждая из стран оценивалась в зависимости от того, в какой степени она придерживается неолиберальной политики (т.е. политики нерегулируемых рынков) в различных направлениях, включая рынок труда. Наивысшие оценки присваивались странам, в которых не было профсоюзов, не был установлен размер минимальной оплаты труда, отсутствовали защита от несправедливых увольнений и компенсации в связи с сокращением штатов. Международная организация труда (МОТ), учрежденная примерно в одно время со Всемирным банком и МВФ для того, чтобы навести определенный порядок в мировой экономике, всегда подчеркивала, что в рамках проекта «Ведение бизнеса» наивысшие оценки в сфере политики на рынке труда могут получить только те страны, которые отвергают соглашения в рамках МОТ. К 2009 г. Всемирный банк и МВФ признали справедли-

вость некоторых доводов МОТ и отказались от учета в докладах «Ведение бизнеса» оценок, связанных с рынком труда. Теперь соответствующий раздел является отдельной частью доклада и в нем представлена ограниченная информация о соответствии различных стран минимальным стандартам. В то же время, как подчеркивает Международная конфедерация профсоюзов (МКП), в докладах Всемирного банка и МВФ, посвященных отдельным странам, высокую оценку получают те из них, которые продолжают следовать исходной стратегии лишения профессиональных союзов возможности представлять интересы трудящихся и отстаивать их права.

В 1990-х годах Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) открыто выступала за то, чтобы лишить трудящихся защиты от конкуренции на рынке труда. Но уже в 2006 г. она отстаивала необходимость повышения квалификации работников и поиска путей примирения потребности рабочих в защищенности с обеспечением гибкости рынка. Еще через пять лет ОЭСР, как и Дж. Стиглиц, выражала обеспокоенность углубляющимся неравенством, порождаемым преобладающей экономической политикой. Между тем Европейский союз (ЕС), которому удавалось поддерживать равновесие между общей приверженностью неолиберальной экономической политике и некоторым уважением к так называемой социальной Европе, похоже, смог найти более конструктивный компромисс. Имеется в виду идея достижения баланса между гарантиями занятости и гибкостью рынка труда, или «гибких гарантий» (flexicurity), первоначально заимствованная из датской и голландской социальной политики и политики занятости (они подробно рассматривались в научной литературе, посвященной проблемам государственной политики, такими учеными, как Рууд Маффелс и Тон Вилтхаген). Вместо атаки по всем направлениям на все виды защиты прав трудящихся сторонники этого подхода проводят разграни-

чительную черту между политическими программами, направленными только на защиту меньшинства трудящихся, которые уже имеют работу, что затрудняет работодателям осуществление инноваций и изменений, и политическими программами, предусматривающими оказание рабочим помощи в том, чтобы справиться с изменениями в обстановке доверия и социальной защищенности. В первую группу входят политические программы, направленные на обеспечение прав рабочих, которые позволяют избегать увольнений и сокращений; вторую группу образуют политические программы, предусматривающие назначение высоких пособий по безработице и помощь в поиске рабочих мест и переобучении. Мы еще не раз вернемся к этой теме, так как она представляет собой пример различия между оборонительной и напористой социал-демократией. В то же время на момент написания книги Европа свернула с этого перспективного пути. Так попытки обобщения идеи гибких гарантий занятости, позволяющие едва ли не каждому гражданину претендовать на их получение, привели к тому, что общепринятое в ЕС определение стало чрезмерно общим и почти бессодержательным. Например, в датской модели главную роль играют сильные профсоюзы, что вместе с некоторыми другими характеристиками рынка труда обеспечивает доверие трудящихся по отношению к способности и готовности институтов оказывать им помощь. Довольно сомнительно, что в отсутствие такой базы доверия формальным институтам удастся добиться своих целей. Но этот фактор не нашел отражения в официальной политике гибких гарантий занятости ЕС.

Впрочем, были вещи и похуже. В 2008 г. правительство Греции обратилось к ЕС, Европейскому центральному банку (ЕЦБ) и МВФ (так называемой «тройке») с просьбой о массивной поддержке с целью защиты от кризиса, связанного с государственным долгом, который, в свою очередь, был вызван глобальным финансовым кризисом. Условия этой сделки (согласно

«Меморандуму о взаимопонимании», подписанному в феврале 2012 г.) ознаменовали собой возврат к незамысловатому неолиберализму 1990-х годов. Греция взяла на себя обязательства отказаться от большинства инструментов регулирования рынка труда и защиты его участников, а также ограничить роль коллективных переговоров (а значит, и профессиональных союзов), посвященных установлению размеров минимальной оплаты труда. Основная цель условий, оговаривавшихся в разделах о рынке труда, состояла в том, чтобы греческие трудящиеся оказались под воздействием конкурентных сил глобального рынка труда и могли использовать только преимущество низкой цены труда; следовательно, Греция должна была забыть о повышении квалификации и улучшении качества своей рабочей силы. Единственный интерес, проявленный «тройкой» к проблемам инфраструктуры (таким как транспорт и обеспечение энергией), состоял в обеспечении гарантий приватизации этих областей. Тем самым создавались возможности получения прибыли европейскими корпорациями, как будто только это и было нужно для обеспечения модернизации мощностей. Анализ документа позволяет сделать вывод, что «тройка» не проявила ни малейшего интереса к модернизации экономики Греции как таковой.

Аналогичный подход применялся и в отношении других столкнувшихся с трудностями европейских стран — Ирландии, Италии, Португалии и Испании. Его использовала и не входящая в еврозону Великобритания. С наступлением кризиса ЕС, ЕЦБ, МВФ и многие политические деятели из разных стран мира начали относиться к дискуссиям, в которых рассматривались такие сложные вопросы, как достижение конкурентоспособности посредством модернизации, как к «лишнему багажу», вернувшись к истокам неолиберализма. Кризис, вызванный невероятной алчностью и безответственностью крупнейших мировых частных банков, был назван кризисом государствен-

ных финансов, и на помощь банкирам были призваны массы простых налогоплательщиков.

Правда, условия спасения Греции включали и несколько действительно полезных реформ, необходимых для эффективного функционирования государственных институтов (по-настоящему важная для этой страны проблема). Следует упомянуть и о некоторых нежелательных для богатейшей элиты Греции положениях (важные шаги по недопущению уклонения от налогов, коррупции, а также чрезмерно высоких прибылей от поставок фармацевтических товаров). Дополнительные требования к реформе относительно того, как представители основных профессий должны были вести хозяйственную деятельность, соответствовали и неолиберальной, и социал-демократической программам. Однако основное бремя стратегии сокращения издержек должны были нести простые трудящиеся, прежде всего государственные служащие (учитывая, что это одна из немногих групп, члены которой не имеют возможности уклониться от уплаты налогов). Не вызывает сомнений, что государственных служащих ожидают сокращения заработной платы и увольнения, поскольку их довольно легко произвести. Гораздо более трудными являются такие задачи, как обеспечение уплаты налогов в полном объеме богатыми людьми и огромным количеством самозанятых граждан Греции, искоренение коррупции и значительное повышение эффективности в сфере предоставления общественных услуг. Учитывая, что Греция по-прежнему должна будет закупать на мировых рынках сырье и полуфабрикаты, достижение ценовой конкурентоспособности возможно только посредством сокращения расходов на труд и социальную политику. Тем самым греческим трудящимся отрезан путь к напористой социал-демократии, выступающей за государственные инвестиции в труд и другие факторы производства. Они вынуждены либо вести оборонительные бои, защищая свои права, которые

сами по себе не слишком велики, а значит, должны быть ориентированы в будущее, либо смириться с необходимостью длительной жесткой экономии до тех пор, пока более низкие затраты на труд не позволят вступить в конкуренцию со странами Восточной Европы и Дальнего Востока. Вряд ли греческая элита согласится разделить эту судьбу со своим народом. Поскольку основу ее богатств составляет хозяйственная деятельность в сфере морских перевозок, а огромные денежные средства хранятся в безопасных налоговых гаванях, национальная элита является офшорной в буквальном и в метафорическом смысле.

Действия «тройки», по крайней мере частично, были ответом на воспринимаемую потребность удовлетворить рынки. Имеется в виду потребность соответствовать предполагаемым требованиям и предубеждениям трейдеров, участвующих в функционировании глобальных денежного и фондового рынков. Они вовсе не заинтересованы в том, чтобы испытывающие трудности страны получили возможность повысить свои экономические результаты путем улучшения инфраструктуры или действий, направленных на достижение равновесия между защищенностью и гибкостью рынка труда, что способствовало бы улучшению жизни трудящихся и повышению эффективности экономики. Трейдеров интересует только краткосрочная выгода от торговли. Их предпочтения как очень богатых частных лиц — низкий уровень налогообложения и минимальные права людей, находящихся у подножия экономической иерархии.

Пример Греции — исключительный случай среди стран — членов ЕС. Довольно часто экстремальная ситуация в одной стране дает нам ценный урок, так как открывает возможность экстраполяции более общих для всех нас характеристик. Положение Греции хотя и предельно неблагоприятно, но отнюдь не нетипично с той точки зрения, что здесь сформировалась элита, в значительной степени контролирующая жизнедея-

тельность в стране (посредством финансирования политических партий и средств массовой информации), но действующая глобально и делающая состояния более или менее независимо от национальной экономики. Трудящиеся Греции, как и рабочие во многих других странах, столкнулись с необходимостью выбора между защитой прошлых завоеваний социальной политики, уже утративших свою ценность, и отказом от них. Но во втором случае им не обещают ничего, кроме отсутствия защищенности перед лицом рыночных сил. Мы, жители других европейских стран, можем думать, что наше положение не так же плачевно, только если мы уверены, что способны применить власть и регулирование к своим богачам и найти средства, которые могли бы использоваться для разработки ориентированной на будущее, а не оборонительной социальной политики. Однако оснований для подобной уверенности с каждым годом становится все меньше. Едва ли не во всех странах мира, а не только в Греции приоритетом государственной политики является обеспечение финансовой стабильности банков (хотя и на определенных условиях), а все остальные остаются лицом к лицу с суровым неолиберализмом. Эти жесткие требования навязываются нам не потому, что политики все еще верят в его всеисилие. Нет, они просто экономят деньги для решения приоритетной задачи государства. Адитья Чакраборти в своей газетной колонке привлекает внимание читателей к тому факту, что активным участником дискуссий членов «тройки», на которых обсуждались условия участия банков в разрешении греческого кризиса, был Международный институт финансов (лоббистская группа, представляющая интересы 450 банков со всего мира). Однако эта привилегия не распространялась на представителей гражданского общества Греции (Guardian. 2 April 2012).

Возникла противоречивая ситуация. Официальные органы власти начинают осознавать ограниченность

прямого неолиберализма. Но это ничуть не волнует мощных частных субъектов финансовых рынков, в интересах которых должна осуществляться государственная политика. Проблема социал-демократической политики заключается не в недостатке идей (как об этом часто говорят), а в недостатке власти. В то же время предпринятый важнейшими международными организациями пересмотр воззрений указывает на то, что в неолиберальной «стене» имеются по крайней мере намечающиеся «дыры».

ОТКРЫВАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ДЕМОКРАТИЮ ЗАНОВО

Что еще предстоит сделать на идейном уровне, чтобы не только обнажить внутренние противоречия неолиберализма, но и продемонстрировать возможность более быстрого достижения декларируемых им целей путем принятия социальной демократии? Тем самым мы получили бы средства переопределения последней на годы вперед. Использование данного подхода не позволит устранить проблему дисбаланса власти. Но нарастающее в народных массах недовольство некоторыми результатами преобладающего в наши дни неолиберализма вскоре может привести к созданию условий, когда господствующим элитам придется признать возможность компромисса.

Предлагаемая программа новой интерпретации социальной демократии с точки зрения неолиберализма чревата одной проблемой. Может возникнуть впечатление, что она идет по следам критиковавшихся выше «третьего пути» и «нового центра». Следует признать, что эти движения внесли важный вклад в привлечение внимания к невозможности, и, конечно же, нежелательности попыток преодоления капитализма в рамках старого социал-демократического проекта. Ошибка этих движений состояла в том, что

они не только некритически приняли капитализм, но и пошли дальше простого принятия. В частности, не увидели никаких проблем в непрерывном усилении власти корпораций, прежде всего в глобальной экономике. Для того чтобы понять, что в этом процессе возникает гораздо больше проблем, чем он позволяет решить, необходимо переосмысление социал-демократии и переформулирование ее задач.

ПЛАН КНИГИ

Прояснение смысла последнего предложения, допускающего двоякое толкование, — тема следующей главы. В ней будут представлены три типа неолиберализма, с которыми социал-демократия должна поддерживать различные отношения.

«Сердцем» неолиберального проекта является процесс маркетизации, расширения сфер, в которых устанавливаются рыночные отношения. В соответствии с этим возникает несколько вопросов. Удовлетворяет ли этот процесс все наши потребности в общественной жизни? Как напористая социал-демократия должна относиться к маркетизации и ее недостаткам? Поискам ответов на эти вопросы посвящена глава III.

Важнейшую роль в противостоянии рыночному неравенству играют социальная политика и государство всеобщего благосостояния. В главе IV рассматривается возможность использования недавно появившихся идей о государстве всеобщего благосостояния и социальных инвестициях в интересах перехода к напористой социальной демократии. В данном случае важно не увлечься обсуждением чисто технических вопросов политики и помнить, что социальная политика всегда находится в центре конфликта между интересами различных классов.

В главе V обсуждаются отношения между различными расстановками классовых сил, формами государ-

КАК СДЕЛАТЬ КАПИТАЛИЗМ ПРИЕМЛЕМЫМ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

ства всеобщего благосостояния, а также связь между ними и экономическими успехами. Это обсуждение основывается на данных, полученных общественными науками. Для того чтобы избежать нагромождения в тексте статистических данных и графиков, подробности научных результатов приводятся в приложении к главе V. Угрозы, с которыми сопряжены социальные инвестиции в рамках проекта государства всеобщего благосостояния, обсуждаются в главе VI. При этом особое внимание уделяется роли ЕС и США.

В перечисленных выше главах утверждается, что социальная демократия имеет некоторое сходство с определенными интерпретациями неолиберализма или, по крайней мере, либерализма. Более подробное обоснование представлено в главе VII, где рассматривается важнейший потенциал проблем, с которыми сталкивается социал-демократия как основной источник многообразия во все более клаустрофобном мире ортодоксального неолиберализма. Тем самым открывается путь к социальной демократии, провозглашающей себя другом инноваций и новизны, — длинный путь от ее современной, преимущественно оборонительной разновидности.

В главе VIII мы возвращаемся к некоторым ключевым акторам, которым в предыдущих главах уделялось недостаточное внимание, — к социал-демократическим, социалистическим и рабочим партиям. Какой вклад они могли бы внести в построение напористой социал-демократии? Наконец, в главе IX представлены отдельные элементы практической политической программы, которая могла бы основываться на приведенных в этой книге доводах.

ЛИТЕРАТУРА

Crouch C. Post-Democracy. Cambridge: Polity, 2003.
(Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010).

Crouch C. The Strange Non-Death of Neoliberalism. Cambridge: Polity, 2011 (*Крауч К.* Странная не-смерть неолиберализма. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012).

European Commission 2007. Towards Common Principles of Flexicurity / European Commission. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007.

Government of Greece 2012. Memorandum of Understanding on Specific Economic Policy Conditionality, 9 February 2012. Athens: Government of Greece, 2012.

OECD 1994. The Jobs Study. Paris: OECD, 1994.

OECD 2006. Boosting Jobs and Incomes. Policy Lessons from Reassessing the OECD Jobs Strategy. Paris: OECD, 2006.

OECD 2011. Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising. Paris: OECD, 2011.

ILO 2007. The Doing Business Indicators: Measurement Issues and Political Implications // Economic and Labour Market. Paper 2007/6. Geneva: ILO, 2007.

ITUC 2008. The IFIs' Use of Doing Business to Eliminate Workers' Protection. Washington, DC: ITUC, 2008.

Muffels R. (ed.). Flexibility and Employment Security in Europe: Labour Markets in Transition. Cheltenham: Edward Elgar, 2008.

Philips K., Eamets R. Approaches to Flexicurity: EU Models. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007.

Stiglitz J. Globalization and its Discontents. L.: W. W. Norton, 2002 (*Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003).

Stiglitz J. The Price of Inequality. L.: Allen Lane, 2012 (*Стиглиц Дж.* Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015).

Tritter J. Trouble in Paradise: The Erosion of the Nordic Welfare State. Unpublished paper, Conference on "Beyond the Public Realm?". Coventry: University of Warwick Business School, 2011.

Wilks S. The Political Power of the Business Corporation. Cheltenham: Edward Elgar, 2013.

Wilthagen T., Tros F. The Concept of 'Flexicurity': A New Approach to Regulating Employment in the Labour Market // *Transfer*. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 166–186.

World Bank. Annual. Doing Business. <<http://www.doingbusiness.com>>.

World Bank 2011. Report of the Employing Workers Methodology Consultative Group. Washington, DC: World Bank, 2011.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

КОЛИН КРАУЧ

КАК СДЕЛАТЬ КАПИТАЛИЗМ ПРИЕМЛЕМЫМ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Редактор
МАРИНА КОВАЛЕВА
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА
Корректор
ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 27.05.2016. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 12,2
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1792. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10